

чески различным, несмотря на идентичность значения в языке. И так, в каждом случае основу составляет обозначение. Единственный «метод установления фактов», применяемый трансформационной грамматикой, — парафраз — также основывается на обозначении. Хотя в трансформационной грамматике считаются двусмысленными и такие случаи, как *old men and women*, где мы действительно имеем дело с двумя значениями (*old men + women, old + men and women*), но такие случаи сводятся к комбинациям поверхностной структуры (Н. Хомский), и признается, что такие случаи могут рассматриваться и обычной «структурной грамматикой», а фактически речь всего-навсего идет о случаях синтаксического синкретизма. То же касается таких примеров, как *they are flying planes, how good meat tastes* и т. д.

Конечно, в эквивалентностях, особенно в активно-пассивной, а частично позитивно-негативной, может создаться впечатление, что эти высказывания связаны друг с другом и синтаксически (т. е. синтаксисом того или иного языка). Однако «когнитивными синонимами» являются и такие высказывания, как: «Иван — сын Петра; Петр — отец Ивана», «Аристотель был учеником Платона — Платон был учителем Аристотеля», «У него кафедра в Тюбингенском университете — Тюбингенский университет имеет его в составе своих профессоров» и даже «В моем саду скоро созреют яблоки — В моем саду яблони давно отцвели» (Унгехойер), где, очевидно, очень трудно найти одну и ту же глубинную структуру. Не много смысла и в утверждении, что в случаях *by a real artist, by a new technique* различная интерпретация связана не с внеязыковым обозначением, а с тем фактом, что хотя и говорят *a real artist painted the portrait*, но не говорят *a new technique painted the portrait*. Последние высказывания в свою очередь обусловлены лишь обозначением и в конечном итоге «знанием действительности», т. е. тем фактом, что, хотя художники обычно рисуют, техника этого не делает. Не менее ясно, что это никак не связано с английским языком, а соотносится с речью вообще.

Приведенные выше выражения типа *Caesar Pompeium vicit — Pompeius a Caesare victus est* или типа *mit X* действительно «синонимичны» (взаимозаменяемы) в речи в первой группе и поливалентны в речи во второй группе, но это не связано с отдельными языками, где имеет место противоположное явление, а происходит потому, что речь соотносима именно с обозначением. Грамматика, устанавливающая такую идентичность и такие различия, может поэтому быть только грамматикой речи, а не грамматикой отдельного языка. Правда, трансформационные правила обычно формулируются для одного языка. Однако это происходит без учета языковых функций в отдельном языке: различные функции языка приравниваются друг к другу из-за единства обозначения, а единые функции языка расщепляются из-за различия в обозначении — путь трансформационной грамматики ведет от обозначаемого содержания мышления — от *designatum* — к речи, минуя функции языков: это ономазиологическая грамматика. Собственно говоря, здесь речь идет не о правилах языков, а о правилах речи, которая реализуется этим языком. Кстати, здесь нет необходимости ограничиваться одним языком, потому что немецкое выражение *mit dem Messer* (с инструментальным обозначением) эквивалентно не только другим немецким выражениям, таким, как *mit Hilfe eines Messers, unter Benutzung eines Messers*, но и латинскому *cultro*, русскому *ножом* и т. д. И так, от одного и того же содержания мышления через различные трансформации можно прийти к речи на различных языках. Отсюда и происходит часто упоминавшаяся и постулируемая «универсальность» трансформационной грамматики: эта «универсальность» и существует в форме общего, заданного единством внеязыкового мира.

3.3.2. Совсем по-другому обстоит дело со структурно-функциональной лингвистикой. Эта лингвистика совершенно четко апеллирует к различию структур отдельных языков как в отношении выражения, так и в отноше-